



Стамбул! Ты собирался внутри меня из черно-белых строк и фотографий хлопкового Памука. Из пушкинской былины о весте Олеге, обещавшем прибыть со своим щитом на вратах Царьграда. Из гоголевских казаков, сподвижников Тараса Бульбы, что ходили по Днепру, а потом по Черному морю до Константинополя. Из удивительных сказок «Тысячи и одной ночи» из нездешних, а оттого особенно сладких слов: паша, визирь, султан, янычар, дукум. Сейчас я бы добавил к этим ещё и новые слова, из которых, несомненно, состоит этот город. Ахметсултан, Босфор, Айя София, Топкапи, корабли, течение, набережная Кеннеди, чай, рынок, метро, мосты, Галатасарай, Девичья башня, ковры, гарем, литографии, хумус, ялла, источники, кладбища, византийские руины, танцующие дервиши, бродячие собаки, брошенные дома, автобусная станция, пробки, чинары, красные флаги, носильщики. Некоторые слова, вроде Ахметсултан, сугубо стамбульские. Это фундамент города. Есть и такие, что свойственны и другим городам. Такие как слово «пробки». Но стамбульские пробки - они совсем особенные. И без них этот город представить себе нельзя. Потому, что они другие, нежели в Нью-Йорке или Москве. Они легкие и рассасываются моментально. Почему так происходит - просто не знаю.

Стоит побывать в Стамбуле хотя бы однажды, чтобы навсегда полюбить этот странный, чужой, изнасилованный город. Русскому сердцу кажется он именно таким. В нём будто слышатся отзвуки чего-то родного и близкого, видятся призраки византийской моей родины, моего древнего Иерусалима - захваченного, сожженного и поверженного столетия тому назад. Не покидает странное ощущение, что вернулся в старый дом, где начиналась твоя жизнь. Тут всё не то. И крыша другая, и стены перекрасили в яркий цвет, и окна новые поставили, и двери. Однако, сердце всё равно невидимым своим зрением различает какие-то крохотные осколки прошлого: вид на старую сосну из

этого вот нового окна. Он не изменился совсем за тридцать лет. Старый алюминиевый рукомойник на сосне. Так и висит, бедолага. Полуистлевшая книга сказок, чьими ветхими страницами теперь разжигают баню.



Так и Стамбул. Эти тысячелетние руины, увитые плющем и украшенные гнездами стрижей, эти мраморные ступени среди зарослей репья и поддуба. Эти серые стены, чьи ноздреватые поры омывает ветры Босфора. Дотрагиваясь до вас, я словно бы представляю вновь и вновь Ричарда Львиное сердце на распаренном белом коне, царственным взглядом осматривающего Византию. Я вижу черные рясы патриархов, входящих в храм святой Софии на свои Вселенские соборы, римских императоров в туниках цвета свежей персидской крови. Николая Чудотворца - епископа Мирликийского и Иоанна Златоуста - наших православных святых - вижу я мысленным взором, касаясь византийских руин, по которым с легким шорохом бежит в спасительную щель юркая изумрудная ящерка.

Несколько сотен лет звучит над руинами моей Византии протяжный крик муэдзина. Чужой голос. Чужой язык. Иная вера.

Как же хочется мне, прикасаясь щекой к древним стенам, водрузить кресты над Святой Софией. Как хочется ввести сюда, под торжественные звуки фанфар и барабанов константинопольского Патриарха, позолотить русским золотом купола, восстановить разрушенные стены и водрузить над входом в город Цареградскую икону Божьей матери. Как хочется мне водрузить над Босфором русский флаг, чтобы его было видно и из Европы, и из Азии. И посадить здесь русского царя. Например, Лужкова. Или Кадырова. Или Тельмана Исмаилова, как посоветовала мне одна моя знакомая писательница. Собственно, это уже и не важно. Важно вернуть Византию.

Особенно остро чувствуешь это в храме святой Софии - в прежние времена самого величественного храма всего православного мира. Чувствуешь нелепость всех этих круглых черных холстов, на которых золотой вязью выписаны имена Пророка и его ближайших родственников, понимаешь неуместность всех этих мусульманских минбаров и михрабов, несуразность и архитектурную фальшь минаретов. Чужие они святой Софии. Совсем чужие.

Вот если бы благое дело Ататюрка продолжить. Не просто мечеть закрыть. Их, ведь, и без того в Стамбуле достаточно, и не просто превратить её в музей, а завершить историческую справедливость и превратить Святую Софию в православный храм. Вот ради такой цели следовало бы потрудиться...

Говорят, Босфор меняет свой цвет. Ночью - черный. Утром - розовый. Но я этого не заметил. При мне Босфор цвета не менял отчего-то. Был цвета пивной бутылки со стальным отливом. Он струился мимо меня стремительным горным потоком мимо корявых камней набережной имени Кеннеди. И в его бурных потоках я видел головы пловцов, проносящихся мимо. Они прыгали в воду прямо напротив дворца султана, с плоских, словно раскатанное тесто, камней, и плыли до самого окончания Босфора, там где он широко и вольно бросался в объятия Мраморного моря. Скорее всего, они выбирались где-то на берег. Но мне казалось, что всех их уносит в ту дымчатую даль, где тонким голубым пунктиром маячат Принцевы острова, где вечность и пустота.

